

Белых Е.Л.,
канд. ист. наук, профессор, зав. кафедрой общей и
прикладной политологии ФГБОУ ВПО «Орловский
государственный университет».

Институциональное измерение российской модернизации Часть 2.

Во второй части статьи автор сосредоточивает своё внимание на проблеме исчерпания позитивного потенциала популярного лидерского режима в современной России. Модернизацию, понимаемую как преодоление застойных явлений в процессе демократического реформирования российского общества, невозможно осуществить с помощью очередного мобилизационного рывка. Автор полагает, что институты гражданского общества должны превратиться из пассивного объекта активности властных инстанций в эффективно работающие структуры с собственным активным участием в модернизационных процессах. Опираясь на результаты социологических опросов Института социологии РАН, автор обосновывает вывод о несовершенстве партийной системы современной России, о недостаточной развитости представительской функции политических партий РФ. Анализируются возможные варианты трансформации «Единой России». Особый акцент делается на перспективе её превращения из «партии власти» с гарантированным административным ресурсом в нормальную парламентскую партию с собственным независимым политическим курсом, приспособленную к условиям политической конкуренции с другими партиями.

Ключевые слова: модернизация; реформа; институциональное обеспечение; «делегативная демократия»; «ручное управление», «вертикаль власти», общественный консенсус.

Belykh Eugene,
Candidate of history, Associate professor, Head of the Department of General
and applied Political Science of science Orel State University

The institutional dimension of Russia's modernization Part 2.

The article analyzes problems and tasks of institutional support of Russia's modernization. Particular attention is drawn to the need for careful consideration and reconsideration of the experience of previous modernization. Reforms of the "great decade" N.S. Khrushchev are characterized by the author as a "incomplete modernization of socialism". The author thinks that the main reason of this situation was not only famous "voluntarism", but the totalitarian approach to reform, his failure of effective institutional support of Russia's modernization. The failure of Gorbachev's "perestroika" is linked with the same reasons such as unwillingness and inability to rely on the civil society structures. Significant place in the articles

devoted to the analysis of the most significant blunders committed reformers "first wave" of the first stage of democratic reforms. The author also offers his understanding of some features of the modern political system of the Russian Federation in the correlation with the overall strategy of modernization and its results. The author claims the need for nation wide consensus on the method and outcomes of today's modernization.

Keywords: *modernization; reform; institutional support; "Delegative democracy"; "Manual control", "vertical of power", the public consensus.*

Таким образом, режим «делегативной демократии» по определению предполагает потенциальную возможность перехода от управления страной посредством политических и правовых институтов к «ручному управлению», а, следовательно, и возможность волюнтаристских решений. Подобно тому, как, по Раймону Арону, международные отношения всегда протекают «в тени войны», точно так же над режимом делегативной демократии постоянно «нависает тень» волюнтаризма. Использование в данном контексте удачной метафоры Р. Арона представляется нам вполне уместным и оправданным. Волюнтаристские лидерские решения часто оказываются необходимыми и эффективными на «крутых поворотах» исторического процесса, когда действующая власть (старая или новая) не может позволить себе «терять время» на разного рода демократические процедуры (демократия, как известно сегодня едва ли не каждому школьнику, это «диктатура процедуры»). Необходимость и высокую эффективность «ручного управления» страной в условиях нашего «переходного» состояния убедительно обосновал В.В. Путин в интервью российским и иностранным СМИ 18 января 2014 г. (см.: <http://www.kremlin.ru/news/20080>). Однако достаточно высокой является степень вероятности того, что и на «ровных участках» исторического процесса, при спокойном, эволюционном развитии инерция подобных «безпроцедурных» решений сохранится, и они надолго укоренятся в политической практике.

И ещё одна «тень», также «нависающая» над режимом делегативной демократии, - это «тень» популизма, что даёт нам дополнительные аргументы для вывода о том, что ключевой проблемой такого режима становятся личностные особенности политического лидера. При этом, однако, невозможно не учитывать, что в определённых – форс-мажорных или близких к форс-мажорным – обстоятельствах именно личностные качества лидера могут оказаться решающим аргументом и ресурсом для государства, прилагающего титанические усилия для преодоления этих обстоятельств. Сегодняшнее консолидированное «наступление» Запада на Россию, безусловно, относится к категории таких обстоятельств, выходящих за грань цивилизованных норм международного общения, а в более широком смысле – за грань рациональности и здравого смысла. Поэтому, как нам представляется, у продолжения режима «делегативной демократии» в России в сложившейся ситуации есть достаточно убедительное оправдание.

Необходимость перехода от «ручного управления» страной к управлению посредством права и соответствующих политических институтов диктуется не только соображениями, связанными с сохранением и развитием демократии, как таковой, непозволительно долго задержавшейся на своей незрелой, переходной, «гибридной» стадии, но и катастрофической перспективой «сваливания» России в «третий мир». Предотвратить такой вариант развития событий может только успешно осуществлённый научно-технологический прорыв, вряд ли возможный при сохранении прежней социально-политической модели, при которой общество в значительной мере остаётся не субъектом, а объектом политики, аморфной, податливой массой, способной принимать любую форму под давлением «мягко-авторитарной» государственной власти.

Современный опыт успешной модернизации в КНР (а ещё раньше в Южной Корее и Сингапуре), казалось бы, может поставить под сомнение корректность подобного вывода. Этот опыт свидетельствует о возможности эффективной экономической модернизации, осуществлённой достаточно жёсткими авторитарными режимами при подавлении инакомыслия и других антиавторитарных тенденций. Сегодняшний экономический взлёт Китая подтверждает правоту прагматической установки Дэн Сяопина: китайская «кошка» успешно «ловит мышей» безотносительно к её собственной идеологической масти. Более того, в российском политологическом сообществе высказывается вполне обоснованное мнение, что в современном Китае переход к либерально-демократической модели западного типа может привести к власти популистские националистические силы. На свободных демократических выборах им отдадут свои голоса сотни миллионов китайцев, которые своими низкими доходами обеспечивают сверхнизкую себестоимость и сверхвысокую конкурентоспособность китайских товаров – слагаемые того самого китайского экономического чуда, о котором сегодня с уважением и удивлением говорят во всём мире. И эти силы могут реанимировать отложенные в долгий ящик истории китайские территориальные претензии к соседним государствам. Нам хорошо известно, к какому именно государству это относится в первую очередь.

Как нам представляется, подобные исторические параллели вряд ли могут служить убедительным аргументом в защиту авторитаризма, как наиболее оптимального политического режима для проведения модернизации в странах, отставших в силу тех или иных исторических причин от «золотого миллиарда» на более или менее значительное расстояние. И дело, очевидно, не только и не столько в «восточной специфике», сколько в той непомерно высокой социальной цене, которую российскому обществу пришлось бы заплатить за «модернизацию по-китайски». Как справедливо утверждает Б.В. Межуев, если бы индустриализация в нашей стране в начале XX века осуществлялась при сохранении зачатков парламентаризма, при контроле гражданской власти над репрессивными органами и при менее агрессивной идеологии, скорее всего, за переход к современному обществу и за Победу 1945 года нам пришлось бы заплатить гораздо меньшую цену, не жертвуя ни квалифицированными кадрами образованного городского класса, ни цветом трудового крестьянства, ни –

добавим от себя – лучшей частью военной элиты. (Межуев Б.В. Перспективы политической модернизации России // «Полис». 2010. № 6, с. 8).

Убедительные аргументы, объясняющие закономерный характер авторитарного варианта китайской модернизации, привёл академик Е.М. Примаков в своём выступлении на Иноземцевских чтениях «Мир в процессе перемен: вызовы и возможности России» 4 апреля 2011 г. Тоталитарное правление в Китае после смерти Мао Цзедуна постепенно переросло в просвещённый авторитарный режим. Это произошло при сохранении ведущей роли китайской коммунистической партии, идеология которой, однако, претерпела существенные изменения вследствие сращивания марксизма с либерализмом, и именно такая динамика стала продвижением к демократизации, хотя и медленным и не во всём последовательным. Отказ от авторитарного правления и «прыжок» в демократию в тех условиях мог бы разрушить все необходимые государственные предпосылки модернизации. В России подобная ситуация не имела места. (Москва, ИМЭМО, 2011).

Столь же не состоятельным нам представляется и ещё один, более чем странный аргумент: в бериевских «шарашках» заключённые советские учёные и инженеры – «враги народа» – разрабатывали весьма эффективные технологии, которые внесли существенный вклад в разгром германской военной машины Красной армией. Наш контраргумент: можно только догадываться, каких научно-технологических высот могли бы достичь наши учёные, если бы имели статус не заключённых, работающих под охраной, а свободных граждан демократического государства, обеспеченных всеми необходимыми условиями для продуктивного интеллектуального творчества. Сама собой напрашивается аналогия с нашими соотечественниками Новосёловым и Геймом, заработавшими Нобелевскую премию в лаборатории Бристольского университета в Великобритании.

Для современной России путь авторитарной модернизации в принципе не приемлем не в силу нашей национальной специфики, как таковой, а по причине её сегодняшних, сугубо «рыночных» проявлений. Вот какие убедительные аргументы для обоснования этого вывода приводит новосибирский политолог Н.С. Розов: «... системная коррупция, разложение бюрократии и органов правопорядка, незащищённость собственности, деградация конкурентной среды, «теневилизация» бизнеса достигли здесь таких уровней, что оказавшийся каким-либо образом у власти авторитарный лидер, даже настроенный на модернизацию не на словах, а на деле, никакого позитивного результата с помощью «вертикали власти» не добьётся». (Розов Н.С. Императив изменения национального менталитета. – Полис. 2010, № 6.)

Таким образом, необходимость перехода от «ручного» управления страной к управлению посредством права и демократических институтов обусловлена причинами, которые носят объективный характер. Не так давно брошенный кем-то в полемическом запале призыв: «Государственная Дума – не место для дискуссий!» не получил поддержки, более того – был решительно осуждён и отвергнут широкой общественностью, экспертным сообществом и политическим истеблишментом как очевидный рецидив тоталитарного

мышления. Уже в античные времена мыслящая часть общества осознала, что для того, «чтобы стать по-настоящему свободным, нужно сначала стать рабом закона». Но принятие хороших (эффективных и справедливых) законов – это прерогатива народных избранников – депутатов.

Однако результаты социологических опросов последнего времени однозначно свидетельствуют о том, что большинство россиян о своих избранниках придерживаются весьма невысокого мнения, приписывая им такие не совместимые с депутатским статусом «человеческие слабости», как карьеризм, искушение властью и даже отсутствие иммунитета против коррупции. При этом значительная часть населения (более половины) воспринимает сегодняшние российские выборы не как механизм демократической ротации кадров и источник альтернативных вариантов развития, а как рутинную процедуру, регулярно повторяемую для подтверждения легитимности действующей власти и принятых ею решений. Большинство россиян относится к выборам, как к определённом государственному ритуалу или бесполезной, но вынужденной общественной обязанности. (См.: Козырева П.М., Смирнов А.И. Кризис многопартийности в России // «Полис». 2014. № 4, с. 77). Согласно данным мониторинга, проводимого институтом социологии РАН с 1995 года, даже среди участвовавших в выборах в Государственную Думу 4 декабря 2011 г. только 54, 7 % согласились, что голосование оказывает более или менее серьёзное влияние на ситуацию в стране. (Там же). Нельзя не признать, что такое, традиционно скептическое или безразличное отношение к одному из базовых институтов демократии, каковым являются выборы как инструмент народного волеизъявления, объективно играет роль сильнейшего «тормоза» модернизационных преобразований, и действующей власти придётся приложить немало усилий для того, чтобы преодолеть этот устойчивый синдром равнодушия и неверия.

В современном политическом дискурсе одной из наиболее обсуждаемых и дающих поводы для дискуссий и споров является партийная тема. Подобно тому, как популистское лидерство может со временем перерасти в режим неконтролируемой личной власти, пусть постоянно переизбираемой народом, точно так же отсутствие реальной конкуренции у партии власти несёт в себе угрозу превращения её в партию вечного, несменяемого «авангарда» – чего-то наподобие КПСС в новом обличье. «Политическая конкуренция, – отмечал В.В. Путин в статье «Демократия и качество государства», – это мера демократии, её движущая сила. Если такая конкуренция отражает реальные интересы социальных групп, она многократно усиливает мощь государства» («Коммерсант», 6.02.2012).

Но в реальности главной функцией российских политических партий оказалось не представление интересов тех или иных общественных групп и не определение целей общественного развития для постсоветской России и способов их достижения, а легитимация властных притязаний политиков, как известных, так и «начинающих» («функция прикрытия»). В. Шумейко, покинувший в 90-е гг. по объективным причинам Совет Федерации, создал

новую партию «Российские реформы: новый курс» с единственной целью – возглавить её и таким образом остаться в большой политике. Однако главная проблема сегодняшних российских партий даже не в этом, а в том, что они занимают периферийное положение в политической системе и в обществе в целом. Реальная политика осуществляется вне политических партий в процессе конкуренции и борьбы неформальных группировок при сохранении доминирующих позиций государственной бюрократии, что даёт многим исследователям основание говорить об «иллюзорности» партийной жизни в постсоветской России и оценивать всевозможные партийные форумы как собрания «мнимых величин». При этом слабая выраженность представительской функции делает наиболее жизнеспособным такой тип партии, который можно с полным на то основанием охарактеризовать как «популистский», объединяющий вовсе не обязательно единомышленников или представителей какой-либо определённой общественной группы, но сплочённых вокруг популярного лидера, для которого наличие харизмы намного важнее наличия собственной программы.

Попытки создать эффективную многопартийную систему, отвечающую принципам демократии и выражающую интересы различных слоёв и групп российского населения, стали предприниматься уже в начале 90-х гг. Вполне естественно было ждать именно от правящей партии наибольших усилий по организации и управлению этим процессом. Но, как полагают авторитетные российские социологи П.М. Козырева и А.И. Смирнов (Институт социологии РАН), она «вольно или невольно, с высокой степенью постоянства совершает действия, тормозящие создание полноценной многопартийной системы». (Козырева П.М., Смирнов А.И. Указ произв., с. 77). Динамику партийной политики авторы сравнивают с колебаниями маятника. В 90-е гг. в соответствии с хорошо известным инверсионным принципом наши «реформаторы первой волны» весьма энергично инициировали переход от советской монопартийности к партийному суперплюрализму. В начале XXI века эта тенденция эволюционировала в противоположном направлении, апогеем которого стала реформа партийной системы 2005 – 2007 гг., определившая минимальную численность партий, необходимую для их регистрации, на уровне 50 тысяч членов. Вопреки официальному объяснению такой меры – избавление партийной системы от мелких партий, зачастую дублирующих друг друга, – истинной причиной, по мнению авторов, стало стремление максимально сузить пространство для политической конкуренции, не формально, но фактически утвердив курс на безальтернативное доминирование «партии власти» в лице «Единой России».

Принятый в апреле 2012 г. новый закон о политических партиях значительно упростил процедуру их регистрации и снизил минимальный «порог» численности с 50 тысяч до 500. Только за один год действия этого закона количество партий в РФ выросло с 7 до 64.

Но пространство для реальной политической конкуренции при этом несколько не расширилось, реальных политических конкурентов для «Единой России» среди вновь образованных партий не появилось. Вывод авторов может

вызвать озабоченность и разочарование у искренних сторонников полноценной демократии в России: «Подобные колебания свидетельствуют о том, что многопартийная система в России находится в состоянии перманентного кризиса, а регулярные трансформации партийной системы, осуществляемые «сверху» с целью её оптимизации и обеспечения более полного соответствия запросам общества, только мешают созданию действительно конкурентоспособных политических партий и дезориентируют избирателей. Такая партийная система не способна генерировать достойную альтернативность» (Там же, с. 82).

Е.М. Примаков, выдающийся учёный и политический «тяжеловес», не понаслышке знакомый с особенностями современной российской политики, дал нелицеприятную, но вполне объективную характеристику места и роли «Единой России» в политической жизни страны: «Если достигнут ряд успехов в проведении федеральных, региональных и муниципальных выборов, то остаётся практика, когда «Единая Россия» открыто оценивает того или иного местного руководителя по проценту единоросов, прошедших в органы власти. Местные руководители знают, что их судьба в руках этой партии, которая предлагает кандидатов на должности губернаторов и мэров. Свобода слова, гарантированная Конституцией, распространяется на возможность публикаций в средствах массовой информации материалов, критикующих руководство, но одновременно сохраняется руководящий жезл, особенно в отношении телевизионных каналов, позволяющий направлять их деятельность подчас в виде синхронных кампаний». (Примаков Е.М. Модернизация России: чего следует избежать и от чего нельзя абстрагироваться // Е.М. Примаков. Вызовы и альтернативы многополярного мира. М., МГУ. 2014. С. 121).

Отсутствие легитимных альтернатив обуславливает негативное либо безразличное отношение многих россиян к самой идее многопартийности и объясняет во многом живучесть традиционного, уходящего корнями в архетипы российской политической культуры, персонифицированного восприятия власти. Все наши четыре парламентские партии воспринимаются большинством российских граждан как часть официального истеблишмента, как один из элементов властвующей элиты, которая использует их сугубо утилитарно, в качестве средства для того, чтобы направить энергию общественного недовольства в безопасное для себя русло. (См. об этом более подробно: Петухова В.В. Эволюция представлений россиян о демократии: от мечты до запроса на работающие институты // «Россия реформирующаяся». Вып. 11. М., Новый хронограф. 2012. С. 268).

По данным Института социологии РАН не более 3 процентов россиян видят в партиях действительный инструмент решения своих насущных проблем. Всё более явно проявляется массовая усталость от «надоевших» парламентских партий и их несменяемых лидеров и ощущается потребность в новых оппозиционных партиях с оригинальными программами и авторитетными харизматическими лидерами. (См.: Альтернативы развития. Россия между модернизацией и деградацией. Политологические очерки под редакцией Ю.А. Красина. М., Институт социологии РАН. 2013. с. 96).

Опыт государств – исторических «первопроходцев» демократии подсказывает нам, что реальным конкурентом для «Единой России» может стать такая партия, которая представляет интересы «интеллектуального класса» вместе с другими категориями работников наёмного труда. Речь, таким образом, должна идти о каком-либо современном российском аналоге западных социал-демократических (социалистических) партий, безотносительно к тому, какое формальное название выберет для себя этот аналог.

Очевидно, что ни КПРФ, вызывающая у значительной части населения ассоциации с нашим тоталитарным и репрессивным прошлым, ни, тем более, «Справедливая Россия», созданная «сверху» по инициативе самой правящей власти и официально предназначенная для роли «конструктивной» оппозиции, главного конкурента КПРФ и «второй опоры» правящего режима, ни ЛДПР, которую можно назвать оппозиционной лишь с большой натяжкой и которая зарабатывает политические очки не привлекательной программой и продуктивными инициативами, а главным образом благодаря незаурядному артистическому таланту своего лидера, – не могут претендовать на роль реальных конкурентов правящей партии. Форсированное принятие Госдумой президентского «Закона о полиции» стало ещё одним наглядным тому подтверждением. Даже совместное голосование фракций КПРФ, СР и ЛДПР (редчайший случай!) против Закона не смогло предотвратить его принятие: голосов единоросов для этого оказалось вполне достаточно.

Без всяких сомнений, назрела необходимость качественной перестройки партийной системы Российской Федерации. Как справедливо отмечают многие авторитетные политологи-аналитики, ключевой проблемой партии «Единая Россия» является то, что она построена «сверху вниз», хорошо приспособлена для выполнения указаний, исходящих от федеральных и региональных властных структур, в лучшем случае – для ассимиляции и поддержки партийным авторитетом тех или иных представителей властвующей элиты. В то же время она совсем не приспособлена для проявления собственной политической инициативы, а тем более для выработки курса государственной политики (см., например: Перегудов С.П. Политическая система России: Опыт коллективного проектирования // Полис. 2009, № 6). Видимо, именно эта её характерная особенность позволяет нам постигнуть смысл различия между принятым во всём мире понятием «правящая партия» и нашим российским суррогатным понятием «партия власти».

С комплексом конструктивных предложений по превращению «Единой России» из **доминирующей** партии в **доминантную**, т.е. способную в условиях сосуществования с другими партиями самостоятельно и ответственно разрабатывать государственную политическую стратегию, выступил в 2013 г. Институт общественного проектирования (ИОП) – самостоятельная структура гражданского общества, возглавляемая депутатом Государственной Думы, председателем Комитета ГД по конституционному законодательству В. Плигиным. Реализация этих предложений, (которые, кстати сказать, вполне вписываются в контекст высказанных президентом Д.А. Медведевым в 2010 г. соображений по поводу существующей опасности «бронзовения» партии

власти), будет означать качественный перелом или даже настоящий переворот в российской партийной системе, и более того – во всей системе социально-политических отношений. Из организации, призванной служить постоянной и послушной опорой правящего режима, «Единая Россия» сможет превратиться в не зависимую от действующей власти политическую структуру, формирующую власть и задающую для неё правила игры (см.: www.inop.ru / page 484).

Но это неизбежно подразумевает изменение правил игры и внутри самой партийной системы, что предполагает создание условий для не декларативной, а реальной межпартийной конкуренции. Статус правящей доминантной партии ЕР придётся завоёвывать в ходе этой конкуренции, конкретными и реальными делами привлекая симпатии избирателей, не надеясь на привычную поддержку действующей власти, на её административный ресурс. Власть по определению не может превратиться в профессию – эту истину должны твёрдо усвоить все, кто успел привыкнуть к мысли о том, что принадлежность к определённой партии, а тем более к её руководящему ядру сама по себе гарантирует доступ к рычагам реальной политической власти. Использование административного ресурса, как показывает практика всех российских выборов, практически сводит к нулю возможность электоральной победы оппозиционных сил и прихода их к власти парламентским, «цивилизованным» путём. Последние высказывания и инициативы высших лиц государства указывают на то, что власть начинает осознавать необходимость подобных изменений в партийной системе. Однако следует иметь в виду, что шансы оппозиции на электоральную победу сводятся к минимуму ещё и по той причине, что оппозиционные конкуренты партии власти разобщены, в отношениях между собой выступают как непримиримые противники и во время избирательных кампаний в гораздо большей степени обрушиваются с критикой друг на друга, чем на действующую власть. Перспектива консолидации оппозиционных сил и их выступление единым фронтом (например, на антиолигархической платформе демократического социализма) пока представляется нам весьма сомнительной, и «социалистическая» программа и лозунги «Справедливой России» вряд ли найдут отклик в умах и сердцах миллионов россиян, хотя и истосковавшихся по настоящей социальной демократии.

Список литературы.

- 1.Альтернативы развития России между модернизацией и деградацией. Политологические очерки под ред. Ю.А. Красина.
- 2.Козырева П.М., Смирнов А.И. Кризис многопартийности в России // «Полис». 2014, № 4. С. 77 и далее.
- 3.Межуев Б.В. Перспективы политической модернизации России // «Полис». 2010. № 6, с. 8.
- 4.Примаков Е.М. Модернизация России: чего следует избегать и от чего нельзя абстрагироваться // Е.М. Примаков. Вызовы и альтернативы многополярного мира. М., МГУ. 2014. С. 121

5. Петухова В.В. эволюция представлений россиян о демократии: от мечты до запроса на работающие институты // «Россия реформирующаяся» Вып. 11. М., Новый хронограф, 2012. С. 268.

6. Перегудов С.П. Политическая система России. Опыт коллективного проектирования // «Полис». 2009, № 6.

7. Розов Н.С. Императив изменения национального менталитета // «Полис». 2010. № 6.

References

1. Belykh E.L. Priorities and challenges of Russia's modernization. Eagle, OSU, 2015.
2. Burlatskii F.M. Khrushchev. Strokes to political portrait. "Literary Gazette". 1988, № 8.
3. Nikita Khrushchev. Materials for the biography. M., 1989.
4. Putin V.V. Russia muscles up - the challenges to which we must respond. "Izvestia", 16 January 2012
5. Putin V.V. We need a new economy. "Vedomosti". January 30, 2012
6. Putin V.V. Interview of Russian and foreign media January 18, 2014 Mr. / <http://www.kremlin.ru/news/20080>.
7. Toshchenko Z.T. Sociology. M., 2002.